

— Староста Лю сокрушался: Мне не оставалось ничего другого, как снова пойти к свату и умолять его остановить дождь. А сват говорит: «Хочешь, чтобы дождь прекратился? Это несложно. Принеси Минь-гуну несколько невест в дар». Я спрашиваю его, что значит «принести невесту в дар», а он отвечает — отдать Минь-гуну девушку. Разве это не безумие?! Этот Минь-гун живет в реке, и отправить к нему невесту — значит попросту утопить девушку в реке! Я не согласился. Сват решил, что бросать в реку нельзя, и придумал другой способ: велел мне сегодня ночью подняться в горы и принести невесту сюда, в этот храм.

Вот и вся причина их ночного шествия с невестой под дождем. А что было дальше, Цзян Чжо уже знал. Окинув взглядом стены внутри храма, он заметил:

— Раньше здесь всегда почитали лишь Трех Баранов. Этот храм, скорее всего, сват перенес сюда с другого места с помощью колдовства. Неудивительно, что здесь так жутко и зловеще.

Тот самый парень, который вечно перебивал, тут же встревожился:

— Выходит, Минь-гун и вправду обитает в этом храме?! Если мы останемся здесь, разве это не значит, что мы сами лезем в пасть к тигру, прямо как он того и хотел?!

Цзян Чжо громко рассмеялся:

— Я бы и сам хотел, чтобы он был здесь, да только духу его не хватает смелости. Стоило ему увидеть, что сват потерпел поражение, как он тут же сбежал без оглядки. По моему разумению, этот дождь прекратится нескоро, так что всем вам лучше присесть, отдохнуть и собраться с силами, а с рассветом отправиться в обратный путь.

Люди выбились из сил, вымаливая дождь, и всю дорогу дрожали от страха. Их поясицы ныли, ноги ослабли, а сами они валились с ног от усталости. Услышав слова Цзян Чжо, они кое-как уселись вокруг, чтобы немного перевести дух.

Староста Лю слышал, что шум дождя несколько не утихает, и тревожился все сильнее:

— Теперь сват мертв, а Минь-гун сбежал, но дождь все не прекращается. Что же нам делать? Бессмертный наставник обладает великими сверхъестественными способностями, умоляю, укажи бедным людям верный путь.

— Дождь пока подождет, а что до этого свата, то отрубленная голова — еще не смерть. Вы же видели, как он только что... — Цзян Чжо вдруг удивленно протянул «а?», огляделся по сторонам и переспросил: — Куда это подевались обе руки свата?

Все переглянулись — те самые руки, что до этого лежали на полу, действительно исчезли. В тусклом свете, среди завываний ветра и хлещущего дождя, в воздухе повис слабый запах паленого. Вспомнив недавнюю историю, люди разом покрылись мурашками. Кто-то испуганно завопил:

— Кто меня трогает?!

— Руки! Здесь ползают руки!

Смертельно перепугавшись, люди сбились в тесную кучку перед жертвенным столом, но тут Цзян Чжо откинул скатерть, достал из рукава шелковый платок и через него подхватил с пола какую-то вещь.

— Вот же она, — весело произнес Цзян Чжо. — А где вторая?

Путеводный фонарь испускал зловещую призрачную ауру, освещая подобранную Цзян Чжо «руку». Та извивалась и сгибалась, совершая резкие рывки из стороны в сторону, точь-в-точь как длинноногий паук. Толпившиеся возле него люди тут же бросились врассыпную, сломя голову и спотыкаясь, уползая в другой угол. Один из тех, кто только что пришел в себя после оброка, открыл глаза, увидел эту картину, закатил глаза и снова рухнул без чувств.

Примечания автора:

Иероглиф Чжо в имени Цзян Чжо читается как zhuo.

Благодарю за чтение.

Цзян Чжиинь

Эта рука, попав к Цзян Чжо, не смела бесчинствовать и, дернувшись пару раз, притворилась мертвой. Вторая же рука, словно слепая муха, металась и билась о ноги людей, устроив в храме настоящий переполох. Тот самый дерзкий паренек оказался ближе всех, и рука вцепилась ему в голень. От ужаса у него затряслось все тело, и он отчаянно завопил:

— Бессмертный наставник, спаси меня!

Бессмертный наставник держался невозмутимо:

— Спасать тут некого, просто вытяни ногу и пни ее.

Парень со слезами на глазах запричитал:

— Я не смею!

Цзян Чжо принялся его утешать:

— Дело всего на один укус, чего тут бояться? В худшем случае она немного повисит на тебе, от тебя ведь не убудет пары кусков мяса.

Парень замахал ногами, пытаясь стряхнуть ее, но рука будто приросла к его ноге и не двигалась с места. Делать было нечего — зажмурившись, он протянул руку и единым махом вцепился в холодную и окоченевшую конечность:

— Он... он все еще шевелится!

Цзян Чжо тоже удивился:

— И впрямь шевелится. Надо же.

Эти люди издавна жили в глухих горных деревнях и не имели понятия о происхождении Цзян Чжо. Будь здесь кто сведущий в делах духовных, он наверняка бы онемел от изумления. Всех, чья голова и тело были разделены Призрачным Веером: Подземным Проводником, постигала одна участь — они мгновенно обращались в ничто. Однако сват продолжал двигаться даже после того, как ему отрубили и голову, и руки, что ясно доказывало: его истинная личина весьма странна и далека от обычной.

Отыскав руку, Цзян Чжо не стал придавать этому особого значения и велел остальным продолжать отдыхать. Видя, как беззаботно и весело улыбается наставник, люди тоже немного расслабились, подумав про себя: Если уж наставник с легкостью одолел свата, когда тот был в полном здравии и при всех силах, то неужели две обрубленные руки способны перевернуть небо? С этими мыслями они снова уселись на землю и спустя мгновение уже спали мертвым сном, кто где.

Дождавшись, пока все заснут, Цзян Чжо прихватил обе руки и вышел наружу. Снаружи царила непроглядная тьма, слышался лишь непрекращающийся шелест мелкого дождя. Сначала он достал складной веер и начертил на храмовой двери пустой талисман, после чего слегка пнул лежавшие на земле руки:

— Пошли, поищем кое-кого.

Разве смели руки ослушаться приказа? Мелко задрожав, они спрыгнули со каменных ступеней и поползли в самую глубь ночного мрака. Цзян Чжо пошел следом, но прошло немало времени, а людей все не было видно. Руки тоже растерялись и начали кружить на месте.

Цзян Чжо с досадой выругался:

— Никчемные отродья, даже головы отыскать не можете.

Поскольку толку от рук не было, он поднес ладони ко рту и крикнул влево:

— Тяньнаньсин!

В испуге взметнулись птицы из ветвей, но в ответ раздалась лишь тишина.

Тогда он крикнул вправо:

— Тянь... нань... синь...!

В ветвях леса вдруг зашуршали листья, и оттуда вынырнула девушка, державшая в руках собственную голову — это была та самая девушка-мечник, которую Цзян Чжо недавно сдул ветром.

Цзян Чжо произвел:

— Места здесь глухие, твое построение никого чужого не остановит, разве что защитит от твоего старшего брата.

Тяньнаньсин с детства преданно постигала искусство меча, отличалась прямоотой и простодушием, а потому, услышав это, честно кивнула:

— Учитель наказывал, что если...

Стоило Цзян Чжо услышать слово Учитель, как у него тут же заболела голова. Он торопливо изобразил крайнюю усталость, зевая во весь рот:

— Всю ночь куролесили, сил совсем не осталось, и в ушах шумит. Чур меня, не вздумай сейчас заводить заунывные речи об Учителе, не то я свалюсь замертво прямо здесь и усну.

Нравом он всегда отличался дерзким и разнузданным, не признающим никаких авторитетов, так что в его словах никогда нельзя было разобрать, шутит он или говорит всерьез. Тяньнаньсин давно привыкла к его выходкам и не придавала им значения. Однако прежде чем она успела ответить, заговорила голова, которую та держала в руках:

— Какое тебе дело до непочтения к богам и духам? По-моему, ты просто уличный повеса, мастерский промышляющий жульничеством и наглейшим шантажом!

Улыбка не сходила с лица Цзян Чжо:

— Сказано метко. Пожалую-ка я тебе пару рук, чтобы голова в одиночку не надрывалась.

Легким движением носка сапога он отбросил обе руки на землю, где они жалко замерли. Сват, узрев столь презрительное к себе отношение, задрожал от гнева, его тонкие брови заходили ходуном, а зубы едва не скрипились:

— Хорошо... Хорошо же ты устроился, Цзян Чжо...

Цзян Чжо усмехнулся:

— Я же говорил, что ты славный малый — перед самой смертью не забываешь меня похвалить. Впрочем, раз твоя голова не разлагается без тела, значит, за тобой стоит кто-то могущественный. Мне жутко любопытно, не расскажешь ли ты мне все как есть прямо сейчас, чтобы избавить себя от дальнейших мучений?

Сват уже мысленно проклял свою судьбу: кто бы мог подумать, что в такой глуши, как гора Саньян, он нарвется на подобную напасть! Стоя на пороге смерти, он неожиданно обрел

храбрость:

— Сегодня ты помешал сватовству Минь-гуна, и он затаил на тебя смертную обиду. Думаешь, долго еще сможешь красоваться?

Складной веер Цзян Чжо легко постукивал по виску; темное дерево оттеняло три красные точки у внешних уголков его глаз, и в свете путеводного фонаря это придавало его облику еще больше отстраненной красоты. Удивительное дело — стоило ему разозлить человека, как он тут же расплывался в улыбке, действуя неторопливо и вальяжно, так что никто и никогда не мог угадать его истинных замыслов:

— Как говорится, завидуют лишь заурядным людям. Раз Минь-гун меня ненавидит, я этому только рад.

Сват был наслышан о грозной славе Цзян Чжо. Носивший второе имя Чжиинь, он вел себя так, будто само это имя — сплошное недоразумение. Поговаривали, что много лет назад он заступился за кого-то слабого, навлекая на себя гнев Управления Тяньмин, за что Учитель заточил его на горе Бэйлу сроком на целых двадцать лет. Сват думал, что теперь, спустившись с гор, тот хотя бы прижмет хвост и станет вести себя тише воды ниже травы, но не тут-то было — его повадки ничуть не изменились!

— Ремесла у нас с тобой разные, и мы должны были идти параллельными путями, но все же мне хочется спросить, четвертый молодой господин Цзян, — с ненавистью произнес сват. — Какого черта ты вечно суешь нос не в свое дело?!

Цзян Чжо удивился:

— Разве ты не знаешь?

Сват едва не кровью харкал от злости:

— Откуда мне знать?!

Цзян Чжо протянул руку и подтянул к себе тускло мерцавший путеводный фонарь:

— Этот фонарь изначально принадлежал секте Пошо с горы Бэйлу. Несколько лет назад его украли, и с тех пор судьба его была неизвестна. Я спустился с гор именно за тем, чтобы отыскать пропажу... И у меня тоже есть к тебе вопрос: с какой стати ты выковырял из него сердцевину?

Едва коснувшись фонаря в храме, он сразу понял, что форма сохранила прежний вид, а вот божественной сути в нем нет. Очевидно, что здесь не обошлось без рук свата, однако уровень совершенствования у того был слишком низок, и вытащить сердцевину фонаря он был явно не способен.

Сват взвизгнул:

— Не мели чушь! Этот фонарь отчетливо...

Но стоило ему дойти до этого места, как его язык словно завязался узлом, и он смог лишь беспомощно повторять:

— Да... да... да...

Цзян Чжо тут же допытывался:

— Что — да?

Сват вытаращил глаза и еще добрую минуту безуспешно пытался выдавить из себя хоть что-то чнясное. Наконец, сочтя это унижительным, он огрызнулся:

— С какой стати я должен тебе отвечать? Хм, на этом фонаре нет ни названия вашей секты Пошо, ни ее печати. Все держится лишь на твоих словах — эдак ты и черное сможешь выдать за белое!

Цзян Чжо кивнул:

— Рассудительно. У меня как раз появилась идея.

Сват заволновался, с подозрением покосившись на него:

— Ка... какая еще идея?

— Раз все принадлежащие кому-то вещи имеют метку владельца, то на тебе наверняка тоже осталась печать твоего хозяина. — Взгляд Цзян Чжо остановился на голове свата и принялся блуждать по ней. — Твоя печать спрятана в глазах или внутри черепа? Пожалуй, я вскрыю его и изучу как следует.

Свата аж в дрожь бросило от ужаса:

— Что... вскрыешь?! Да как ты сме...

Цзян Чжо неумолимо надвигался:

— Смею или нет — узнаем, стоит только попробовать.

Не успел сват опомниться, как Цзян Чжо вновь ловко повел его за нос. Поначалу это звучало как пустая угроза, какими пугают трехлетних детей, но ведь Цзян Чжо без малейших колебаний снес ему голову, а значит, и вскрыть череп ему ничего не стоило! Мысль об этом заставила свата вскрикнуть:

— Да знаешь ли ты, кто стоит за моей спиной?! Тебе плевать на Минь-гуна, но неужели...

Но стоило ему выговорить это «нужели»... вернее, начальную букву запретного слова, как грянули перемены. Глаза свата вылезли из орбит, язык вывалился наружу, словно его кто-то мертвой хваткой схватил за горло, и он испустил дух на месте!

В лесу воцарилась мертвая тишина, в эту одинокую ночь не слышно было даже карканья ворон. Холодный дождь моросил по лицам. Тяньнаньсин перевела взгляд с головы на Цзян Чжо:

— Это ты до смерти напугал его?

— Ничего подобного... Я его и не пугал вовсе! — оправдался Цзян Чжо.

Вдвоем они принялись разглядывать безжизненную голову, и первым до истинной причины додумался Цзян Чжо:

— Похоже, на нем лежало проклятие безмолвия. Стоило ему попытаться сболтнуть лишнего, как он тут же погиб. Он успел вымолвить лишь половинку слова, интересно, что он собирался сказать?

Тяньнаньсин протаскала голову всю дорогу и теперь смертельно устала, намереваясь спихнуть ее обратно владельцу. Однако Цзян Чжо велел:

— Наложить печать Быстрой Пересылки и отправить эту голову на гору Бэйлу, Учителю.

Даже невозмутимая Тяньнаньсин от такого заявления остолбенела и только хлопала глазами:

— А?

Цзян Чжо пояснил:

— Меня не покидает подозрение, что заклинание запечатано прямо внутри его черепа. Быть может, Учитель отыщет там иные зацепки.

Тяньнаньсин посмотрела на него, потом снова на голову. Румяна на щеках свата размазались, тонкие брови некрасиво вздернулись вверх — красивым это лицо назвать было нельзя, скорее устрашающим.

Заметив ее колебания, Цзян Чжо развел руками:

— Я ведь не ленюсь понапрасну, ты же знаешь мою особенность — дорог я не разбираю, и если я сам наложу печать Быстрой Пересылки, Учитель рискует дожидаться посылки до второго пришествия.

У него была одна странность: он напроць не умел ориентироваться в пространстве. Еще когда они жили на горе Бэйлу, он постоянно плутал и ходил кругами. И ведь не то чтобы никто не пытался это исправить — по слухам, в детстве Учитель испробовал всевозможные заклинания и талисманы, но стоило ему переступить порог комнаты, как он снова начинал кружить на

месте. Учитель даже приглашал именитых лекарей и шаманов, но никто так и не смог понять, в чем дело — казалось, в самом его устройстве с рождения недоставало какой-то жилки. Позднее, когда он подрос, Учитель изготовил для него Коралловую Подвеску, которая должна была указывать дорогу, но в прошлый раз, когда он совершил проступок и был сослан на гору для усердных тренировок, Учитель отобрал подвеску обратно. На этот раз, сходя с гор, он по рассеянности забыл взять ее с собой, иначе разве пришлось бы ему использовать руки свата в качестве поводырей?

Тяньнаньсин сдалась:

— Ладно.

Наложить печать Быстрой Пересылки было несложно — обычное мелкое заклинание. Сама по себе задача не представляла трудности, вот только оставалось лишь надеяться, что Учитель, вскрыв посылку, не слишком сильно разгневается. Поразмыслив, Тяньнаньсин решила приложить к записке Быстрой Пересылки пояснение о том, что эту голову она отправляет по просьбе Четвертого брата, в надежде, что Учитель проявит снисходительность.

Уже светало, но дождь не переставал моросить, не собираясь заканчиваться. Цзян Чжо с унылым видом посмотрел на небо — за время пути его одежда и обувь промокли насквозь. На горе Бэйлу не бывало ни дождей, ни снегов, и, проведя там столько времени, он вечно ощущал нехватку чего-то привычного. Теперь же, вымокший под дождем, он впервые по-настоящему почувствовал, что действительно спустился с гор.

— Хлобысь!

Цзян Чжо раскрыл складной веер, прикрывая им брови:

— Сейчас я слеплю глиняную куклу, наклею на нее талисман связывания духа и временно назначу ее местным божеством. А когда вернемся за путеводным фонарем, вернемся сюда и решим все окончательно.

Для простых людей покровительство божества земли имело важнейшее значение. По идее, Цзян Чжо не должен был вмешиваться в подобные дела, но гора Саньян располагалась в такой глуши, что Управление Тяньмин даже не утруждало себя проверками. Из-за этого местные жители, лишившись Трех Баранов, уже несколько лет страдали от засухи. Если оставить все как есть, здесь вполне мог завестись злобный демон, и тогда бед не оберешься.

Лучше всего для этой цели подходил Талисман Связывания Духов: с его помощью можно было вдохнуть жизнь в глиняную фигурку, привязав к ней духов гор и местную нечисть, чтобы те временно исполняли обязанности божества. Как правило, горные духи куда сильнее людей дорожили своей землей и начинали ревностно защищать ее. Правда, мастерство Цзян Чжо оставляло желать лучшего — слепленная им фигурка пугающе походила на нечисть, из-за чего горные духи недовольно роптали и выражали бурный протест. На это ушло немало времени: уговорами и угрозами он все-таки добился, чтобы дождь прекратился, после чего сжег оставшиеся от свата руки и лишь затем вернулся на то место, где они ночевали.

Староста Лю с остальными сельчанами уже ушел с гор, а жуткий храм Минь-гуна бесследно исчез. Заметив, что земля здесь разгладилась, словно ладонь, Тяньнаньсин заметила:

— Храм перенесли с помощью колдовства, должно быть, Минь-гун забрал его обратно к себе на хребет Мин-гун. Четвертый брат, и как нам его теперь отыскать?

— На дверях храма я оставил поисковый талисман, судя по всему, Минь-гун утащил его на хребет Мин-гун. — Цзян Чжо сделал шаг вперед. — Пошли, навестим его в логове.

Тяньнаньсин осталась стоять на месте и, ничуть не удивляясь, указала пальцем в противоположную сторону:

— Четвертый брат, хребет Мин-гун вообще-то в той стороне.

Даже не изменившись в лице, Цзян Чжо молча развернулся и зашагал назад.

Примечания автора:

Спасибо за указание на опечатки QwQ

Покупка воды ночью

Расположение хребта Мин-гун было весьма особенным: протянувшись через Чичжоу и примыкая к Реке Лаосинь, он являлся важным узлом на водных путях Управления Тяньмин. По этой причине требования к пропускным документам для въезда и выезда оттуда были невероятно строгими. С репутацией же «порочной ереси», закрепившейся за сектой Пошо, пройти через заставы было решительно невозможно. Тяньнаньсин пришлось искать обходной путь: она провела Цзян Чжо с горы Саньян в Цанчуань, оттуда сделала огромный крюк и лишь в конце концов высадилась на берег у одной из переправ.

В низине хребта стояла удушливая духота, смешанная с сыростью, и едва сойдя с лодки, Цзян Чжо тут же сник. Воспользовавшись тем, что Тяньнаньсин ушла разузнать обстановку, он отправился в винную лавку по соседству разжиться выпивкой.

Поскольку переправа была самой захудалой, лавчонка тоже представляла собой временный шатер, у входа в который болтался лишь обтрепанный винный флаг для привлечения прохожих. Цзян Чжо приподнял полог и вошел внутрь. За редкими столиками сидело несколько человек — судя по их виду, таких же последователей еретических учений, — которые оживленно беседовали между собой.

— Я сам с юга путь держу, так в дороге сказывали, будто на хребте Мин-гун в последнее время нечисто стало, столько народу полегло.

— И я слышал! Сначала в окрестных деревнях девицы одна за другой помирать начали, а теперь и до городков добралось. Родные тела еще похоронить не успевают, как среди ночи в двери

стучатся призраки.

— Все здешние мертвяки Минь-гуну подчиняются, это они по душу тел ходят! Слыхали подлость какую? Даже до мертвецов жаден, у людей отнимает.

— Да уж не говори «забирают», здесь это дело «свадьбой» зовут! Минь-гун по всем домам с невестами похаживает!

— А что до хребта Мин-гун, так там с самой геомантией беда, раз угораздило приютить такого божка. С той поры, как он объявился, сколько девок ему уж в жены отдали? А ему все мало, все больше подавай!

— Не будь за ним поддержки от самого Управления Тяньмин, я бы на это безобразие и смотреть не стал!

— И то верно, странное дело. Имя Минь-гуна на каждом углу полощат, все знают, каков он злодей, а Управлению Тяньмин хоть бы хны, словно ослепли.

— Эх, брат, ты ничего не понимаешь. Минь-гуна хоть и хлебом не корми — дай людьми полакомиться, зато он здешние земли от неурожая бережет. Не будь его, этот край давно бы в пустошь обратился.

— Эх, беда... У кого в округе дочери подрастают, те давно все поразбежались... Грех на душу берут!

Заметив вошедшего посетителя, они тотчас умолкли. Цзян Чжо из любопытства подошел к стойке, потребовав три ляна вина, надеясь, что компания продолжит болтовню. Однако, увидев его ладно сшитые одежды, путники решили, что перед ними тайный соглядатай из Управления Тяньмин, переглянулись и тут же забились по углам, притихнув испуганными птенцами.

Делать было нечего. Забрав вино, Цзян Чжо вышел наружу и прислонился к столбу с винным флагом, прикладываясь к фляге. Вскоре вернулась Тяньнаньсин и доложила:

— Я все разузнала. В здешних местах протекает Река Черной Змеи, и храм Минь-гуна находится прямо в ней.

— Прямо «в» реке? — переспросил Цзян Чжо.

Тяньнаньсин кивнула:

— Говорят, когда этот храм только построили, он предназначался для местного горного духа. Но Минь-гуну он приглянулся, и он наслал ливни, взметнув речные воды так, что храм полностью затопило. Теперь он и правда стоит прямо на дне.

— Ну надо же, какой самодур, привык бесчинствовать напропалую. — Цзян Чжо оглядел небо, которое уже начинало темнеть, и спрятал флягу. — Дождемся ночи и сами во всем разберемся.

Переждав день у переправы, с наступлением темноты они углубились в горы. Местность здесь славилась отвесными кручами и непроглядными туманами, а ночью передвижение и вовсе становилось опасным. Пройдя с полчаса, они наконец вышли к каменной стеле. Поросшая мхом и опавшими листьями плита достигала в высоту человеческого роста, и на ней теми же письменами из Божественных Речей Наставления были высечены мнимые заслуги Минь-гуна — точно такая же, какую Лю сотоварищи встретили на горе Саньян.

Цзян Чжо бросил взгляд на узкую горную тропку возле стелы, где отчетливо виднелись чьи-то свежие следы:

— Странное дело, и этот туда же — все норовят богам поклоняться по ночам. Пойдем-ка, поглядим на представление.

Поскольку храм Минь-гуна находился под водой, обычным смертным было туда не добраться. Желая явить усердие, местные жители возвели на речном берегу так называемый «зал благовоний», служивший земным подобием настоящего храма. Когда Цзян Чжо с Тяньнаньсин добрались до места, какая-то компания как раз зажигала внутри светильники.

— ...Сватовство Минь-гуна... великая радость вознесения на небеса... не плачь, не шуми...

Одетые в грубые потрепанные одежды люди стояли на коленях, возжигая благовония и внимая жрице, которая монотонно напевала заклинания.

— В эту ночь ты будешь служить Минь-гуну... жители хребта из поколения в поколение возжигают для тебя неугасимые светильники...

Порыв зловещего ветра разогнал клубы тумана, обнажив истину: все светильники в зале оказались теми самыми неугасимыми лампадами. Размахивая деревянным посохом с навершием в виде змеиной головы, жрица кружила вокруг продолговатого свертка в белой ткани, время от времени нанося по нему удары. В тишине раздавался мерный звон — это в такт ее движениям покачивались костяные украшения на посохе.

Зал благовоний в точности повторял настоящий храм Минь-гуна, разве что у входа покачивались две лодки, предназначенные для доставки даров. Жрица продолжала песнопения, а ветер заставлял вековые деревья отбрасывать причудливые тени, издали напоминая жалобный девичий плач.

Наконец жрица прервала обряд, подняла только что зажженный светильник и обратилась к собравшимся:

— Я изгнала ее злого духа, можете отправляться.

Люди беспрекословно поднялись на ноги. Главный из сельчан, нахлобучив на голову соломенную шляпу, бережно подхватил на руки сверток в белой ткани. Выйдя из зала благовоний, они отвязали те самые лодки и двинулись к реке под звуки погребальной музыки, сменившейся свадебными напевами.

В этот момент несший ношу крестьянин вдруг зарыдал:

— Жители деревни помнят твои добрые дела, и отец велел зажечь ради тебя лампаду в храме, ни на кого не держи зла... Выйдя замуж за Минь-гуна, смотри не оглядывайся назад...

Шедшие позади тоже зашлись в рыданиях, бесплотными тенями скользя вдоль речного берега, привлекая блуждающие огоньки. Едва лодки коснулись воды, люди забрались в них и поплыли к самому центру реки. Ночь уже вступила в свои права, вода казалась черной, как чернила, и в ее глубине невозможно было разглядеть хоть что-то.

Крестьянин медленно развернул белую ткань, и Цзян Чжо отчетливо увидел, что внутри спрятана шестнадцати- или семнадцатилетняя девушка!

<http://bllate.org/book/19195/1885287>